

«РЕВОЛЮЦИЯ РАБОВ» И ПЕРИФЕРИЙНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ¹ (рец. на: Д. А. ВОЛОШИН. Теория революции рабов. Монография. Отв. ред. С. Л. Дударев. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 256 с.)

Подробное историографическое исследование по отдельному вопросу древней истории – явление вообще редкое, а если говорить об исследовании советской историографии древности, то даже исключительное. И хотя в аннотации сказано, что в книге «представлены и систематизированы материалы, позволяющие всесторонне изучить конкретно-исторические обстоятельства возникновения “теории революции рабов” в отечественной исторической науке» (с. 2), претензии автора, конечно, выходят за эти пределы и имеют в виду не только обрисовку, но и существенную характеристику вопроса.

Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к содержанию основной части книги, которая построена именно как аналитическое повествование: глава 1 «Историографические предпосылки ТРР» (с. 15–36), глава 2 «Обстоятельства возникновения ТРР» (с. 37–58), глава 3 «Первое знакомство» советских историков с ТРР» (с. 59–74), глава 4 «Попытки модификации ТРР в советской исторической науке» (с. 75–142), глава 5 «Советские исследователи в парадигме преодоления ТРР» (с. 143–206), глава 6 «“Canis mortuus non mordet” или “ТРР: жизнь после жизни”» (с. 207–218). Каждая глава завершается небольшим разделом с выводами.

Автор и издатель решили использовать неблагозвучную аббревиатуру ТРР, подразумевая под ней «теорию революции рабов», возможно, рассчитывая на экономию в объеме книги. Но дело здесь не в аббревиатуре, а в том, что само словосочетание вовсе не является общераспространенным. Речь, конечно, не о «революции рабов», восходящей к известному сталинскому высказыванию, а о том, уместно ли называть это *теорией*. Сам Д. А. Волошин не придерживается здесь четкого принципа, именуя «революцию рабов» также концепцией (с. 59–60, 110), идеей (с. 26), концептом (с. 27), «не то концепцией, не то теорией» (с. 67), и все это без придирок можно было бы списать на вольность стиля, допустимую во избежание частого употребления одного и того же термина, если бы только он был где-то объяснен и обоснован, например, в предисловии (с. 6–14). Что перед нами с методологической точки зрения – концепт, гипотеза, концепция, теория; как менялось понимание этого явления в советский и постсоветский период – вопрос, который еще всерьез не был поставлен и совершенно напрасно был проигнорирован автором. Тем более странно, что в книге чаще всего в кавычки помещены все три слова («теория революции рабов») и лишь иногда дается более логичный вариант (теория «революции рабов»).

Следует подчеркнуть, что от вопросов формально внешних при чтении рецензируемого произведения очень сложно абстрагироваться: слишком бросаются в глаза специфика цитирования, оформления, стиля монографии. Нередко автор дословно цитирует отрывки из чужих работ, оформляя ссылку, но игнорируя кавычки (с. 34–35, прим. 109 и 110; с. 38–39, прим. 3). Безбоязненно используются обширные цитаты с цитатами внутри (последние оформлены как авторские сноски), в результате чего в книгу поместились немалые объемы чужого текста, а в конце обычно оказались утерянны закрывающие кавычки². Стиль работы тоже часто выходит за границы академичности, фразы вроде «интеллектуальные тяжеловесы шли на дно» (с. 13) или «акт вандализма» (с. 230) недостойны даже приличной публицистики.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МД-223.2017.6.

² Самый впечатляющий пример: целая страница (с. 152–153) текста взята из брошюры В. Валенского (Valenskiy 1954, 20–21).

Значительная часть книги сводится к иллюстрации одного простого тезиса: вся советская система вынуждала историков писать в русле единой парадигмы, которая означала следование за «линией партии» в данный текущий момент времени. В целом с этой характеристикой, видимо, согласятся все исследователи, но ведь за пределами той картины прямолинейного навязывания идей, которую рисует Волошин, обильно сдабривая ее разнообразными цитатами из общих работ (а часто просто абстрактных и голословных рассуждений о советском времени), остается куда более сложная и серьезная проблема того, как же в действительности происходило это навязывание. Отрицать его совершенно неуместно, но неуместно и подробно его иллюстрировать — это не только вчерашний день историографического исследования, но, честно говоря, вообще не предмет историографии. Настоящая научная задача: показать *технологию* этого влияния, действующие факторы и примерно выяснить степень и пределы воздействия каждого из них на научное сообщество в целом и отдельных исследователей в частности. К сожалению, в целостном виде эта задача автором монографии не поставлена и не решена, но это не значит, что он не внес вообще ничего в разработку данного вопроса. Рассмотрим основные идеи работы и уровень их воплощения.

Вообще, автор монографии занимает очень аккуратную позицию в плане отношения к своим коллегам: он прямо ни с кем не спорит, и, что уникально, соглашается со всеми известными ему точками зрения одновременно. При этом одна из его базовых идей как раз не относится к числу разделяемых исследователями: Волошин дает понять, что сталинское высказывание о «революции рабов» было частью продуманного плана («Все было не случайно, все было не зря» — с. 58), более того, оно было целенаправленно подкреплено вторым высказыванием (о варварах, опрокинувших Рим), и обе цитаты («цитата № 1» и «цитата № 2») являют собой опорные пункты сознательно выдвинутой «вождем» теории³. Когда встает вопрос о том, почему же Сталин не сказал ничего по столь вроде бы важному для него предмету в «Кратком курсе», на помощь приходит заимствованная у А. Л. Юганова идея о непредсказуемости сталинских высказываний как сознательном приеме⁴. Объясните причины озвучивания идеи «революции рабов» не где-нибудь, а на съезде колхозников-ударников Волошин пытается следующим соображением, которое одновременно можно считать образцом неуместной драматизации и публицистичности повествования (многозначия в цитате — авторские): «Сталин, колхозники, упоминание о рабах... Какая связь? Можно предположить, что прямая: Сталин смотрел в зал и видел... рабов. Видел рабов — и сказал о великой роли “древних рабов” в истории, — чтобы “рабы — ударники” (так в тексте, через тире. — С.К.) не отчаивались» (с. 46).

Этот пассаж трудно комментировать, поскольку он вызывающе антинаучен, но и оставить его без пояснений нельзя: есть вероятность, что он может быть воспринят как экстравагантное изложение обоснованной точки зрения. Отсутствие солидной аргументации косвенно признает и сам автор, допуская, что его трактовку могут счесть примитивной. Он загодя парирует это общим рассуждением: «Часто бывает, что самая первая и самая очевидная версия оказывается в конечном итоге верной» (с. 56). Во-первых, предполагать можно что угодно, но если учитывать, что в сталинской речи за словами о рабах шли следом слова и о крепостных крестьянах, то следовало бы задуматься, с какой же скоростью проносились видения перед мысленным взором Сталина. Во-вторых, если еще можно поверить, что Волошин искренне думает, будто Сталин мог видеть в том зале рабов (а это истолкование требует серьезных аргументов, в том числе потому что в зале сидели даже не колхозники, а колхозники-ударники — что, вообще говоря, совсем не одно и то же), то неужели сам автор всерьез может относиться к предположению, будто «вождь народов» захотел неожиданно утешить свою публику?! Ниже автор тратит несколько страниц (с. 52–56) на то, чтобы показать униженное положение советского крестьянства, сопоставить его с крепостным состоянием, но тем самым он в лучшем случае приводит аргументы (и очень слабые) в пользу того, что Сталин мог видеть в своих слушателях именно крепостных крестьян. В-третьих, даже если мы примем на веру предложенную нам психологическую картину того, как оратор посмотрел в зал, узрел в нем «рабов» и сказал о революции «древних рабов», то она полностью противоречит основной мысли Волошина о спланированном характере и системности сталинских высказываний.

³ Тем более удивляет, когда автор в конце первой главы сообщает, что «Сталин произнес свою тираду о рабах и Риме» (с. 36), тем самым соединяя обе указанные цитаты в одну. Неужели ради красного словца стоило жертвовать научной точностью?

⁴ Мы все-таки полагаем, что понимание непредсказуемости сталинских высказываний для Юганова означает не совсем то, что под этим понимает Волошин. См. Yurganov 2011, 77, 136, 243, 620, 685.

Подробно приводимые в книге цитаты говорят об обратном: что представление о разных революциях (в том числе и рабов) уже давно жило в голове Сталина и не нуждалось ни в какой подпитке от сомнительных ассоциаций с колхозниками, и что совершенно обычный для него краткий очерк истории эксплуатации содержал равноценные упоминания других эпох, а соответственно никакого акцента на «революцию рабов» не делалось в принципе.

Наша точка зрения (далеко не оригинальная) по этому вопросу давно сформулирована, но стоит ее кратко повторить. Никакой системы в разрозненных заявлениях Сталина о древнем мире не было, пропаганда «революции рабов» как собственного открытия его не беспокоила, степень сталинской непредсказуемости и хитроумия не стоит преувеличивать: когда он хотел внятно донести свои идеи, то это делалось действительно с размахом (как в случае с «вопросами языкознания»). Поэтому цитаты о «революции рабов» и об «опрокинувших Рим» варварах системно увязывали уже сами советские историки, причем вторая цитата фактически служила для них средством спасения от очевидной несостоятельности первой. Именно поэтому, с нашей точки зрения, педалирование роли варварских нашествий было не развитием, а способом постепенного вытеснения концепта «революции рабов» из теоретизирования на тему перехода от античности к средневековью, а никакой *теории* «революции рабов» в принципе не существовало. Самое большее, были сделаны попытки выработать *концепцию* (С. И. Ковалев, А. В. Мишулин), но и они были прекращены за ненадобностью.

Д. А. Волошин, видимо, придерживается другой точки зрения, и если бы он ясно обозначил это, то проще было бы и читателям его книги, и ему самому, потому что тогда он смог бы вести открытую полемику, и это позволило бы подать результаты своих изысканий более выигрышно. Вместо этого он сначала пытается одновременно признать правоту другой точки зрения и сохранить собственную (с. 63), затем полностью соглашается со случайным характером сталинских высказываний (с. 142, 206, 223) и в итоге опять возвращается к собственным взглядам (с. 231), что не может не дезориентировать читателя⁵. А тезис, согласно которому «теория» была создана «принципиальными приспособленцами» (с. 223) снова выводит нас на тему того, как в книге рассматриваются отношения между историками и властью.

К сказанному выше следует добавить, что Сталин в книге демонизируется, а историки оглушаются. Вождь внимательно следит за всеми основными событиями в сфере марксистских дискуссий (мысль трижды повторена на с. 37) и в общем сознательно толкает научное сообщество на путь дегуманизации и примитивизации, его «революция рабов» живет еще много лет после того, как от нее формально отказались — вплоть до наших дней. Действия же историков объясняются двумя взаимосвязанными импульсами: страхом и приспособлением. Это очень подробно иллюстрируется богатым набором цитат из их произведений.

При этом многие из приведенных цитат в книге бесполезны: автор выбирает самые формальные, стандартные и банальные отрывки из сочинений прошлых лет и снабжает их более или менее ироническими комментариями. Это, во-первых, увеличивает объем книги вовсе не пропорционально ее смыслу (например, сталинские слова цитируются как напрямую, из речей Сталина, так и в пересказах советских историков, а одна и та же цитата может быть повторена через полстраницы⁶), а во-вторых, ставит исследователя в положение, когда тот вынужден постоянно пинать лежащего: «Автор *привычно* бичует историографию, позорно стоявшую на каутскианских позициях» (с. 80)⁷, «Далее перечисляются разнообразные (*но достаточно предсказуемые*) задачи» (с. 86), «Окончание статьи, *как водится*, весьма пафосно и ободряюще» (с. 88 и аналогично на с. 147), и т.п. (курсив всюду наш. — С.К.). Хотя автор и признает, что выбора в плане преклонения перед высшим авторитетом у историков 1930-х годов не было, он как будто не может простить им каждого случая выражения лояльности. Видимо, дело тут все же не в Ювеналовой суровости Волошина как историографа, а в том, что он заранее не определил для себя (и уж подавно для читателя), что же он хочет узнать из своих источников, поэтому он узнаёт из них всегда одно и то же: они каким-либо образом упоминали то, что он скрывает за аббревиатурой ТРР. А так как все

⁵ Такого рода колебания вообще составляют часть то ли авторского стиля, то ли восприятия действительности. На с. 228 сказано: «Скорее всего, И. В. Сталин не питал особых иллюзий относительно собственной эрудированности в области поздней античности и раннего средневековья». На с. 231, прим. 27: «Судя по всему, И. В. Сталин искренне полагал, что разбирается в исторических вопросах на профессиональном уровне...». Но разве профессиональный уровень не предполагает некоей минимальной эрудированности в вопросах поздней античности и раннего средневековья?!

⁶ На с. 190–191, цитируется Н. Д. Фюстель де Куланж. Другие (далеко не все) примеры повторов: с. 200–201 и с. 203, прим. 323; с. 205–206 и с. 254–255.

⁷ Ср.: «Привычно клеймя зарубежную историографию» (с. 112).

ответы автору ясны заранее и большой нужды в полученном таким образом знании он не испытывает, то и идет по пути его относительного хронологического упорядочивания и эмоционального расцветивания с помощью комментариев.

Иногда стремление нарисовать обобщенный образ советского историка совершенно противоречит материалу. Так, характеризуя второе издание популярной работы А. В. Мишулина «Спартак» (1950), Волошин отмечает, что тот «привычно рисует картину спартаковского восстания как крупнейшего революционного потрясения основ рабовладельческой системы» (с. 115). Но Мишулин не имел отношения ко второму изданию, поскольку умер в 1948 г. и никаких изменений по сравнению с первым изданием 1947 г. внести просто не мог. При этом сопоставление двух указанных изданий могло бы показать, что С. Л. Утченко на самом деле провел редакторскую правку, смягчив грубый схематизм мишулинских построений.

Небрежность автора несколько раз наносит ущерб уже не только форме, но и содержанию работы. Собираясь указать предпосылки анализируемого концепта в трудах Маркса, Энгельса и Ленина, он с необычайной легкостью заявляет: «И здесь можно найти как минимум два—три таких прототипа» (с. 26). Причина появления столь невнятной фразы лежит в том, что выделенные автором второй и третий «прототипы» являются разными пересказами слов Ф. Энгельса о «коренной революции» как выходе из тупика рабовладения, заимствованными, соответственно, из работ Г. А. Завалько и автора этих строк (с. 26—27), только Завалько совместил слова Энгельса о «коренной революции» с его же словами об «омоложении» варварами дряхлой цивилизации, расположенными несколькими страницами ниже, и при этом поставил ссылку лишь на последнюю цитату⁸. Почему Волошин не смог решить для себя, считать ли этот пример одним прототипом или двумя, — великая тайна, но факт заключается в том, что, не определившись с принципами классификации, он не стал отказываться от самой ее попытки — научная смелость, достойная лучшего применения.

То же самое можно сказать и о выделении автором вариантов «конца эпохи господства ТРР» (с. 143), построенном частично на его собственных предположениях, частично на собирании различных и обычно превратно истолкованных мнений из предшествующей литературы: выделены вариант 1 (конца не было, ибо «теория» была мертворожденной), вариант 2 (1938 г.), вариант 3.1 (вторая половина 1940-х годов), вариант 3.2 (1949 г.), вариант 4.1 (вторая половина 1950-х годов), вариант 4.2 (1953 г.)⁹, вариант 4.3 (1956 г.), вариант 4.4 (1957 г.), вариант 5 (1969 г.) (с. 144—146). В итоге, подробно вводя читателя в суть надуманной проблемы и не сказав ничего определенного о том, как же ее следует разрешить, Волошин меняет вопрос, и от «когда» переходит к «кто», отыскивая здесь двух героев: находившегося на безопасном расстоянии от советской власти А. С. Коцевалова (которого он называет эмигрантом, не слишком задумываясь о том, как можно было эмигрировать из Харькова в Мюнхен в 1943 г. — с. 148) и пребывавшего в самом Советском Союзе В. Т. Сиротенко, главного положительного героя всей книги.

Здесь кроется вторая принципиальная новация рецензируемой монографии: именно В. Т. Сиротенко (1915—2006) показан в ней как историк, который развернул принципиальную борьбу с «ТРР», первым и единственным дав ее последовательную критику. Не углубляясь в детали, нужно сказать, что эта логическая связка работает только в том случае, если Волошин удалось бы доказать существование самой «теории», построенной на соотнесении двух сталинских цитат о «революции рабов» и о роли варваров в крушении Рима. Мы полагаем, автор не смог успешно аргументировать факт существования таковой даже для 1930—1940-х годов, когда обе цитаты находились в постоянном обращении. Но если бы это и было так, это не имеет никакого отношения к середине 1950-х годов, когда тезис о «революции рабов» уже был отвергнут, ведь Сиротенко защитил кандидатскую диссертацию в 1954 г., а докторскую в 1969 г. Совершенно некорректно считать, что приверженность тезису о союзе варваров с рабами автоматически поддерживала и тезис о «рабской революции» — в том числе потому, что идея союза варваров и рабов вообще не принадлежит Сталину, она восходила, помимо всего прочего, еще к мнению Энгельса (Волошин оно известно, но это его совершенно не смущает).

Не являясь специалистом по творчеству В. Т. Сиротенко, сложно судить, с чем он боролся на самом деле: с призраком давно похороненной «революции рабов» или же с мнением о союзе варваров и рабов (которое он в те годы аттестовал исключительно как вредную теорию Фюстеля де Куланжа, не акцентируя внимания на мнении Энгельса), — но оценивать его научные взгляды как

⁸ См. Krikh 2013, 120; Zaval'ko 2005, 114; Engels 1961, 149, 155.

⁹ В качестве «цитатного подтверждения» (авторский термин — с. 144) использованы слова В. Д. Нероновой о том, что «революцию рабов» отвергли после XX съезда. Почему это означает 1953 г. и не позволяет объединить варианты 4.2 и 4.3, еще один парадокс рецензируемой работы.

проявление некой высшей степени свободомыслия в 1960–1980-е годы просто несерьезно. Против этого говорят факты: провинциальный ученый стабильно публиковался, участвовал в зарубежных конференциях, защитил докторскую диссертацию, стал заведующим кафедрой в Пермском университете, с ним вели открытую полемику (т.е. не замалчивали его взгляды)¹⁰ — следовательно, он не подвергался никакому серьезному давлению. Если Волошину известны факты, свидетельствующие об обратном, их следовало бы привести в книге. В противном случае он оказывает своему покойному учителю медвежью услугу, восхваляя его за смелость там, где не было угрозы.

Таким образом перед нами раскрывается ракурс, на который пока еще обращают мало внимания: мы живем в эпоху после становления провинциальной историографии как системы, в том числе и в сфере древней истории. Примерно полвека назад началось образование (или возрождение, как в случае с Казанью) школ изучения древней истории за пределами столиц. Теперь наступило время, когда их основатели стали легендарными фигурами. Научная карта России XXI в. изобилует конференциями, носящими имена тех ученых, чьи коллеги и ученики теперь отдают им дань памяти и уважения. Эта свежая топонимика еще нуждается в своем осмыслении, но безо всякого сомнения она уже может считаться отражением нового типа мифологии. Одно из ее проявлений — резкое противопоставление «своего» отца-основателя другим (в идеале: доминировавшим) направлениям в науке. В случае с рецензируемой работой важность заслуг В. Т. Сиротенко автор пытается продемонстрировать и тем, что теория «в урезанном виде еще долгое время сохранялась в отечественном антиковедении» (с. 214), а для этого изыскивает следы «революции рабов» в современной литературе (с. 210–217), и делает это вполне искусственно: в среде ее адептов оказываются даже Й. Фогт и Р. Ремондон. Тем временем возвеличивание отдельно взятого конкретного ученого отвлекает от гораздо более важной проблемы соотношения центра и периферии.

Провинциальные, а в данном случае, наверное, можно сказать периферийные исследователи могли не только страдать от своего положения, но также использовать его: например, полемизируя с «ведущей» историографией (конечно, в той мере, чтобы не нарушать основных правил игры); это, в свою очередь, позволяло им обратить на себя внимание, высказывая свежие мысли в тех изданиях, которые не контролировались академическими учреждениями. В остальном же это были именно дети своего времени, они в той или иной форме воспроизводили основные типы суждений, свойственные советской историографии. Отрицая союз варваров с народными массами, Сиротенко тем не менее мыслит все теми же набором понятий своей эпохи¹¹. Его попытка доказать, что не народные массы, а эксплуататоры шли на союз с варварами с целью подавления народных движений, — это другая теория в рамках той же парадигмы, она не ведет ни к ее преодолению, ни к ее принципиальному улучшению. К чести Волошина, он все же отмечает, хоть и не слишком четко, внутреннее родство своего главного героя с мыслительным строем советской науки (с. 177–178).

Именно поэтому имеет смысл обратить внимание на те моменты в книге, которые заслуживают, на наш взгляд, внимания читателей и характеризуют исследование Д. А. Волошина с лучшей стороны.

Нам представляется важным, что при написании своей работы он охватил публикации как собственно антиковедов, так и медиевистов¹². Учитывая, что слова о «революции рабов» в равной степени касались поздней античности и раннего средневековья, неизолированное сопоставление позиций двух групп ученых вполне уместно¹³. Тем не менее единого сообщества они не

¹⁰ Волошин фантазирует, когда утверждает (с. 160), будто в вып. 31 «Средних веков» (М., 1968) были опубликованы две статьи В. Т. Сиротенко: речь идет о двух выступлениях при обсуждении докладов А. Д. Люблинской и А. Р. Корсунского (СВ 31, 40–42, 138–139).

¹¹ Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на историографический обзор в его пособии 1973 г. Кстати говоря, никакой критики Сталина там нет, сказано лишь, что некоторые историки «по-своему истолковали два высказывания»; иными словами, сами историки и виноваты. Конечно, мы не собираемся ни в чем упрекать В. Т. Сиротенко, а только хотим сказать, что не нужно приписывать ему большую отвагу в высказываниях от 1973 г., чем была, например, у С. Л. Утченко в 1965 г. См. Sirotenko 1973, 14; Uchenko 1965, 30.

¹² А вот мысль и даже слова о том, что внимание медиевистов к поздней античности можно объяснить действием «своеобразного компенсаторного механизма в науке» (с. 206) — это чужие выводы, использованные без ссылки (Krikkh 2006, 236, прим. 38).

¹³ Отчасти к этой теме обращается А. В. Шарова, которую автор упрямо именует «Л. В. Шаровой» (с. 23, 207, 235), например, в докладе ««Революция рабов» в учебных изданиях Е. А. Косминского 1930–1950-х гг.» на конференции «Советская древность: история изучения и рецепция античного наследия в СССР» в 2016 г.

представляли, поэтому состав участников дискуссий и обсуждений у медиевистов и антиковедов совпадал лишь частично (дополняясь еще и востоковедами), и если бы в монографии не был проигнорирован институционально-организационный аспект, это позволило бы выйти на интересные сопоставления.

Так же мысль о том, что участники дискуссий 1920-х – начала 1930-х годов в принципе не могли их закончить самостоятельно при сложившихся «правилах игры» и буквально нуждались во вмешательстве *deus ex machina*, в роли которого выступил Сталин, может быть, и не нова, но наиболее отчетливо сформулирована именно в этой книге (с. 36–37). К сожалению, автор не привлек для нее достаточной аргументации, да это было и невозможно, поскольку тогда ему бы требовалось определиться с тем, что следует подразумевать под дискуссией, а следом и с хронологией, тематикой, составом участников споров тех лет. Однако Волошин поступил очень просто: назвав все споры раннего советского периода «научной дискуссией по проблемам марксизма» (с. 37), он лишил себя возможности развить интересную идею. Как и в случае с определениями понятий «теория» и «концепция», речь идет о той минимальной теоретической составляющей, без которой историографическое исследование не имеет шансов оказаться полезным для читателя.

Подводя общие итоги, считаю нужным сказать, что ряд интересных размышлений и хороших историографических находок оказался полностью погребен под грудой слабо упорядоченного материала, а избранный Д. А. Володиным стиль повествования не соответствует серьезности избранной темы.

Литература / References

- Engels, F. 1961: *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property, and the State]. *K. Marx, F. Engels, Sochineniya* [Works]. Vol. 21. Moscow, 23–178.
- Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения*. Т. 21. М., 23–178.
- Krikh, S.B. 2006: ["Slave revolution"] in Soviet historiography in 1930s]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time. *Almanac of Intellectual History*] 17, 224–236.
- Крих, С. Б. «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории* 17, 224–236.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
- Крих, С. Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Sirotenko, V.T. 1973: *Vvedenie v istoriyu mezhdunarodnykh otnosheniy v Evrope vo vtoroy polovine IV – nachale VI vv. Chast' 1. Istochniki* [Introduction to the History of International Relations in Europe from the second half of 4th to the beginning of 6th cent. Pt. 1. Sources]. Perm.
- Сиротенко, В. Т. *Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. Часть 1. Источники*. Пермь.
- Utchenko, S.L. 1965: *Krizis i padenie Rimskoy respubliki* [The Crisis and the Fall of the Roman Republic]. Moscow.
- Утченко, С. Л. Кризис и падение Римской республики. М.
- Valenskii, Iu. 1954: *Akademik E. A. Kosminskiy i voprosy interpretatsii istorii Srednikh vekov v sovetskoj shkole* [Academician E. A. Kosminsky and the Interpretation of the History of the Middle Ages in Soviet School]. Munich.
- Валенский, Ю. *Академик Е. А. Косминский и вопросы интерпретации истории Средних веков в советской школе*. Мюнхен.
- Yurganov, A.L. 2011: *Russkoe natsional'noe gosudarstvo. Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma* [Russian National State. The Life World of Historians in the Stalinist Epoch]. Moscow.
- Юрганов, А. Л. *Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма*. М.
- Zaval'ko, G.A. 2005: *Ponyatie «revoliutsiya» v filosofii i obshchestvennykh naukakh. Problemy. Idei. Konseptsii* [The Concept of "Revolution" in Philosophy and Social Sciences. Problems. Ideas. Concepts]. Moscow.
- Завалько, Г. А. *Понятие «революция» в философии и общественных науках. Проблемы. Идеи. Концепции*. М.

Sergey B. Krikh,
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia
krikh@rambler.ru
Acknowledgements: Grant of the President of the
Russian Federation, No. МД-223.2017.6.

С.Б. Крих,
доктор исторических наук, профессор
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия